

Научная статья

УДК 341.018.

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.9

Максуров Алексей Анатольевич

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,

Ярославль, Россия, maxurov78@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-5781-6524>

КООРДИНАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ СУБЪЕКТОВ ПРАВА В РАМКАХ САНКЦИОННОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

Аннотация. В отечественной правовой доктрине в настоящее время растет интерес к исследованию проблем международного санкционного права, однако методология соответствующих исследований отсутствует. Автором предложено собственное понимание структурирования основных элементов санкционного правоотношения, что обуславливает актуальность темы исследования. Цель: анализ элементов логической структуры санкционного правоотношения с точки зрения координационного подхода к познанию правовых явлений. Методы: в основе исследования положен метод системного анализа, который дополнен методами формальной логики (в части индукции и дедукции), а также специально-юридическими приемами толкования норм права. Результаты: исследование позволило выявить проблемы определения предпосылок возникновения санкционных правоотношений, проблеме неопределенности санкционных действий и операций субъектов и участников данных правоотношений, недостатки в определении результатов санкционного воздействия. Автором также представлены соответствующие характеристики антисанкционного правоотношения как отношения, возникающего в области применения ответных государственно-правовых мер.

Ключевые слова: санкции, ограничения, рестрикции, антисанкции, санкционное правоотношение, структура, координация

Для цитирования: Максуров А.А. Координация действий субъектов права в рамках санкционного правоотношения / А.А. Максуров. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.9 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 104–118.

Original article

Maksurov Alexey Anatolyevich

Yaroslavl State University Named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russia,
maxurov78@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5781-6524>

THE LEGAL SUBJECTS' ACTIONS COORDINATION WITHIN THE SANCTIONAL LEGAL RELATIONS

Abstract. In the domestic legal doctrine, there is currently a growing interest to study problems of international sanctions law, but the methodology of relevant studies is lacking. The author offers his own understanding of the main elements of sanctional legal relations' structure, which determines the relevance of the research. Objective: to analyse the elements of the sanctional legal relations' logical structure from the point of view of the coordination approach to the cognition of legal phenomena. Methods: the study is based on the method of system analysis, which is supplemented by methods of formal logic (in terms of induction and deduction), as well as special legal techniques for interpreting legal norms. Results: the study revealed problems in determining the prerequisites for the emergence of sanctions legal relations, the problem of uncertainty of sanctions actions and the subjects' operations and participants of these legal relations, deficiencies in determining the results of sanctions legal relations. The author also presents the relevant characteristics of anti-sanction legal relations as relations arising in the field of application of retaliatory state and legal measures.

Keywords: sanctions, restrictions, anti-sanctions, sanctional legal relation, structure, coordination

For citation: Maksurov A.A. The Legal Subjects' Actions Coordination within the Sanctional Legal Relations. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 2, pp. 104–118 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.9.

Введение. В настоящее время ввиду особенностей геополитической обстановки и по другим заслуживающим внимания причинам очевиден интерес в правовой науке и практике к механизму санкционного права. Увеличение санкционного давления на Российскую Федерацию наблюдается с 2014 года, особенно оно усилилось с 2022 года, хотя анализ актов международного права показывает, что начиная с 1991 г. Россия ни одного года не находилась вне тех или иных санкций, часть которых она «унаследовала» от Советского Союза. Просто в последнее десятилетие повысилась актуальность санкционного воздействия, что и вызвало интерес к этой теме.

Между тем, еще в начале XXI века в юридической литературе появились работы, так или иначе касающиеся вопросов санкций и антисанкций, представляющие некоторую начальную методологическую основу для современных исследований, например, связывающие вопросы санкций с проблематикой координации действий национальных субъектов права [1, с. 85], особенностями механизма правового регулирования в данном случае [2, с. 22], спецификой организации процедур медиации и переговорного процесса в целях разрешения конфликта, ставшего причиной применения санкций и антисанкций [3].

В настоящее время результаты данных исследований вновь оказались востребованными применительно к санкционному правоотношению. Представляется, что понимание вопросов действий субъектов санкционного правоотношения с позиций их координации правовыми средствами будет сегодня актуальным и значимым с теоретической точки зрения, поскольку обогатит науку международного санкционного права новыми данными о ее основных понятиях, исходя из дидактического значений полученных знаний, а также с позиций правоприменительной практики.

Методологической основой исследования стал метод системного анализа, который был дополнен методами формальной логики (в части индукции и дедукции), а также специально-юридическими приемами толкования норм права.

Координационный подход к исследованию. Принципы координационного подхода к исследованию санкционного правоотношения заключаются в следующем.

Прежде всего, по всей видимости, можно рассматривать санкционные (антисанкционные) правоотношения как сложные комплексные логические конструкции, в которых тесно переплетены международные и национальные публично-правовые и частноправовые элементы. Санкционное правоотношение, как и любое правоотношение, представляет собой систему. Для этой системы характерна полиструктурность, например, в части выделения пространственной и временной, генетической, стохастической, вертикальной и горизонтальной, циклической, психологической и любой иной его структур. Однако наиболее теоретически и практически важной остается выделение логической (логико-философской) структуры санкционных правоотношений, основу которых составляют действия и операции субъектов правоотношения относительно их объектов (предметов). По сути, конструирование логической структуры санкционного правоотношения означает разновидность юридического проектирования процесса координации своих интересов субъектами права [4, с. 82].

В рамках санкционного правоотношения наблюдается координация действий и операций его субъектов и участников. Субъектами и участниками санкционного правоотношения используется та или иная юридическая тактика, в том числе, направленная и на достижение некоторых согласованных позиций [5, с. 53]. Благодаря их действиям в процессе координации реализуются неко-

торые общесоциальные функции права [6, с. 122]. Их действия прямо влияют на общую эффективность правового воздействия [7, с. 92], а недостаточная эффективность взаимодействия (например, в части согласования органами власти ответных мер в рамках реализации норм антисанкционного законодательства) может привести к значимым неблагоприятным последствиям [8, с. 12].

Изложенные соображения позволят рассмотреть элементы санкционного правоотношения, включая его предпосылки и результаты на качественно новом уровне.

Предпосылки возникновения санкционных правоотношений. Предпосылкой возникновения санкционных правоотношений выступает совершение государством (органами власти и высшими должностными лицами государства) некоторых действий, которые мировое сообщество или отдельные государства рассматривают в качестве международного публичного правонарушения.

Указанные действия на практике выражаются, например, в агрессивной внешней политике государства (захват и оккупация территорий других государств, угрозы применения оружия при разрешении конфликтов с другими государствами), массовом нарушении прав человека (преследование по религиозному или национальному признаку, ущемление прав национальных (этнических), сексуальных и иных меньшинств, геноцид собственного или другого народа, коренного народа), создании дополнительных угроз для мира и человечества (вроде разработки ядерного оружия государствами, не входящими в «ядерный клуб» или иного запрещенного международными нормами оружия массового поражения), нелегитимной смене власти или, напротив, незаконном удержании власти в конкретном государстве (узурпации власти) группой лиц, этносом и т.п.

В данном случае крайне важным видится вопрос оценки указанных действий государства именно в качестве международно-противоправных. Таким образом, мы вынужденно обращаемся к категории ценностного отношения, в рамках которого возможно выделить субъекта оценки (мировое сообщество, союз независимых государств, иностранное государство), объект оценки (действия конкретного государства) и критерии оценки (принятые в международном сообществе или в государстве-субъекте принципы оценки осуществления государственной внешней и внутренней политики).

Вообще, процесс познания всегда сопряжен с оценками, на основе которых формируется ценностное восприятие действительности. Ценностный же подход представляет конкретизацию диалектического и системного методов познания юридической практики в целом. В целом такой подход представляется правильным и для предлагаемой нами характеристики отдельных сторон деятельности (действий) субъектов международного права.

Показательно, что данные действия, хотя и являются объектом оценки, тем не менее, должны быть логически формализованы и обоснованы: они должны

нарушать 1) общепризнанные принципы и нормы международного права и (или) 2) принятые на себя государством международные обязательства.

Исследователи международного права сегодня не имеют единства мнения относительно того, что считать именно *международным* принципом права. Очевидно, что, даже на первый взгляд, здесь возникает масса начальных вопросов: должен ли такой принцип обязательно исходить от некоего международного органа, быть согласованным большинством членов мирового сообщества [9, с. 62] и присутствовать в том или ином международном акте [10, с. 55]; должно ли его существование признавать большинство государств; необходимо ли отражение (а лучше – закрепление) конкретного принципа международного права в большинстве национальных правовых систем; должна ли в принципах права (в соотношении принципов международного права и принципов национальных правовых систем) присутствовать некоторая иерархичность, вытекание одного принципа из другого, более «крупного» и важного, национального принципа из международного и т.п. [11].

Возникает и такой вопрос: является ли любой принцип международного права общепризнанным в силу своей «международности» или же это не обязательно так и среди принципов международного права следует выделять общепризнанные и иные? Существует немало принципов права, которые мы не задумываясь, признаем некими «прогрессивными» и общераспространенными среди «развитых» политически, экономически и социально государств, как, например, принцип демократизма в формировании и реализации права, принцип законности, принцип национального равноправия, принцип гуманизма, принцип справедливости и т.д. Но являются ли такие принципы именно принципами международного права, тем более, общеизвестными? Однозначный положительный ответ на такой вопрос явно будет неправильным [12].

В юридической науке отсутствует и единство мнений по поводу понятия принципов международного права, не говоря уж об «общепризнанности» как свойстве части из них. Скорее всего, общепризнанные принципы международного права – это особые, наиболее фундаментальные и значимые принципы международного права, признанные обязательными для себя и в общении с другими государствами большинством развитых стран с различными историко-культурными традициями, отраженные в наиболее важных международных документах правового характера [13, с. 119].

Таким образом, предпосылки санкционного правоотношения лежат в области международного публичного права, но формально они определены недостаточно четко.

В качестве *юридического факта* следует рассматривать принятие международным сообществом в целом, например, под эгидой ООН (что, согласимся, крайне редкое явление) или же непосредственно «государствами-судьями» в отношении «государства-нарушителя», его физических и юридических лиц, а

также иных лиц, в том числе, национальных, в том числе, государств, сотрудничающих с «государством-нарушителем» правовых актов, предполагающих для указанных лиц некоторые неблагоприятные последствия (санкции и ограничения), чаще всего, имущественного или же общественно-политического (запрет на участие представителей «государства-нарушителя» в международных спортивных соревнованиях) характера по признаку принадлежности (даже «близости») конкретного лица к органам власти (должностным лицам) попавшего под санкции «государства-нарушителя».

В данном случае юридический факт обычно имеет не только лишь международно-публичные элементы, но и элементы частного права, причем, права национального [14, с. 110].

Как видим, основным юридическим фактом, в том числе, элементом сложного фактического состава, являются *действия* мирового сообщества или государства, вводящего санкции, однако им предшествует некоторое *событие* – нарушение тем или иным государством норм международного права и невыполнением им принятых на себя обязательств, которое мы все-таки предлагаем рассматривать как предпосылку для юридического факта, а не элемент сложного фактического состава ввиду сугубой оценочности самого факта международно-противоправного поведения государства-нарушителя. Иными словами, сложно во всех случаях объективно утверждать о наличии некоего нарушения именно как *части* фактического состава с точки зрения различия в целях и устремлениях государств – субъектов международного права – при введении санкций. При отсутствии существенного влияния фактора оценочности допущенного нарушения теоретически, конечно, правильнее было бы говорить о единстве фактического состава, включающего в себя два неразрывно связанных элемента: наличия международного правонарушения со стороны конкретного государства и принятия другим государством (государствами, международным сообществом в целом) правового акта о введении санкций и ограничений, однако существующая международно-правовая практика не позволяет нам прийти к таким выводам, кроме крайне редких случаев вроде введения санкций под эгидой ООН международным сообществом в целом.

Субъекты и участники санкционных правоотношений. Как правило, санкционные правоотношения имеют *субъектов* и *участников*.

Субъекты санкционного правоотношения – это его стороны.

В современной отечественной философии «субъект» определяется в качестве источника целенаправленной активности, носителя предметно-практической деятельности, оценки, познания, преобразования и т.д. [15, с. 550]. Субъект – это то, что само по себе является источником санкционной активности или пассивности. Субъект в данной деятельности заинтересован, более того, он в ней объективно нуждается. Субъект неоднороден; специфика самой санкционной (антисанкционной) деятельности здесь обуславливает и специфику субъекта.

Стороны санкционного правоотношения можно рассматривать в виде основных (обязательных) и вспомогательных (дополнительных); последние в конкретном санкционном правоотношении могут и отсутствовать.

К основным сторонам санкционного правоотношения мы относим «государства-судей» и «государство-нарушителя», в том числе, связанных с этим государством физических и юридических лиц.

«Классическое» начальное санкционное правоотношение находится в области международного публичного права и опосредует «противостояние» государства, вводящего санкции (либо международного сообщества в целом), и государства, в отношении которого санкции вводятся.

Включение «государством-судьей» (международного сообщества в целом) в число подсанкционных субъектов также физических и юридических лиц, связанных с «государством-нарушителем», привносит в санкционное правоотношение частноправовой элемент, который, тем не менее, иногда находится в достаточно тесной связи с органами государственной власти. Сам по себе частноправовой элемент в силу, например, психологических факторов, может значительно исказить оценку поведения сторон [16, с. 92].

Вспомогательные (дополнительные) субъекты санкционных правоотношений – это его факультативные стороны, такие как национальные физические и юридические лица государства, вводящего санкции, третьи государства, их физические или юридические лица, от которых нормы права требуют активного поведения по претворению санкций и ограничений в жизнь, например, в виде ухода с рынка «государства-нарушителя», расторжения договоров на поставку в «государство-нарушитель» товаров и технологий и т.д. Отметим, что действия национальных физических и юридических лиц государства, вводящего санкции, опосредуются уже нормами национального (внутреннего) права, при том за нарушение такого рода норм частного права вполне может иметь место публично-правовая ответственность (например, в рамках налогового законодательства, законодательства о противодействии легализации доходов, добытых преступным путем, законодательства о финансировании терроризма и экстремизма и т.п.).

Участники санкционного правоотношения – любые лица, призванные соблюдать принятые в отношении «государства-нарушителя» и связанных с ним лиц санкции и ограничения. Активного поведения в отношении подсанкционного государства, его физических и (или) юридических лиц от участников не требуется; обращенное к ним требование состоит в соблюдении запрета на то или иное взаимодействие с «государством-нарушителем», его физическими и юридическими лицами, например, в виде отказа от приобретения товаров и сырья, имеющих источником происхождения попавшее под санкции государство, и проч. Их действия регулируются нормами национального права государства, которое ввело санкции.

Главным отличием субъекта санкционного правоотношения от его участника является то, что последние только лишь способствуют реализации санкций, их введению, обжалованию, снятию. Они не имеют собственного «санкционного» интереса в данном процессе: они не вводят и не снимают какие-либо санкции и не подвергаются вызванными санкциями ограничениям.

Исходя из самых различных комбинаций сторон и участников санкционного правоотношения, с учетом специфики их фактических и юридических действий и пассивных обязанностей можно говорить о множественности таких отношений. В то же время, все они включаются в единое сложное комплексное санкционное правоотношение как его составные части.

Объект санкционного правоотношения. К элементам санкционного правоотношения относится также ее объект, который коррелирует понятию «субъект» [17, с. 501], в том смысле, что субъект санкционного правоотношения – его активная сторона, тогда как объект – сторона относительно пассивная. Считается, что в качестве объекта выступает та часть объективной и субъективной реальности, которая находится во взаимодействии с субъектом [18, с. 661], что справедливо и для характеристики санкционного правоотношения.

Таким образом, объект санкционного правоотношения – это то, на что направлена активность ее субъектов и участников, то есть те или иные блага (антиблага). Такими благами (антиблагами) и выступают сами санкции (ограничения) как 1) установленные законодательством запреты и 2) как установленные законодательством обязанности по осуществлению активных действий (предписания).

Действия и операции сторон (участников). *Юридические и фактические действия* сторон и участников санкционного правоотношения представляют собой активную, динамичную сторону юридической санкционной технологии и выражаются в виде интеллектуальных и актуализированных вовне действий и операций. Действия – выраженные вовне, нацеленные на выполнение целей санкций волевые акты субъектов и участников санкционной деятельности, тогда как санкционные операции – объединенные локальной целью совокупности взаимосвязанных действий в рамках данного санкционного процесса.

Действия и операции в санкционном праве могут иметь различную, как активную, так и пассивную природу.

В частности, уход с национального рынка находящегося под санкциями государства, очевидно, подразумевает активные действия, тогда как соблюдение запрета на продажу физическим и юридическим лицам «государств-нарушителя» той или иной продукции – пассивное воздержание от заключения договоров и фактической поставки.

Обычно здесь имеют место юридические действия (воздержание от действий, бездействие), однако могут быть и действия (бездействие) фактические, такие, например, как физическое изъятие тех или иных ценностей, не допуск на территорию иностранного государства и проч.

Результат санкционного правоотношения. К компонентам санкционного правоотношения относится также его результат как предвосхищение степени реализации ее цели. Результат санкционного правоотношения – это итог санкционной активности, то есть осуществления соответствующих санкционных действий и операций субъектами и участниками правоотношения.

Как исторически, так и в современных мировых реалиях можно говорить об *общих* и *частных* результатах введения санкций.

Прежде всего, налицо действие охранительной функции права, представляющей собой единство карательной, превентивной и восстановительной подфункций. Предполагается, что «государство-нарушитель» как бы «наказывается» за совершенное им международное правонарушение. Одновременно такого рода «наказание» играет роль общей (когда другие государства воздержатся от соответствующего противоправного поведения на мировой арене) и частной (когда данное «государство-нарушитель» в будущем откажется от совершения осуждаемых противоправных действий) превенции. «Государство-нарушитель» одновременно «призывается» к восстановлению нарушенного положения дел (ухода с захваченной у другого государства территории, восстановлении прав этносов на собственной территории, соблюдении прав человека) в будущем.

По этой причине основным *общим* результатом санкционного правоотношения предполагается изменение внешней и внутренней политики государства в направлении, требуемом международным сообществом, иностранным государством, группой государств или их союзом.

Вместе с тем, сегодня усматривается и ожидание от санкций (ограничений) *частных* результатов их введения. Эти результаты состоят в реализации компенсационной функции права, когда на «государство-нарушитель» возлагается обязанность компенсации причиненного им вреда, например, в виде выплаты репараций. Именно такая мысль западных юристов лежит сегодня в обосновании арестованных за рубежом активов российского государства и даже его юридических и физических лиц: по их мнению, данные активы могут послужить материальной базой для компенсаций подобного рода.

Изменение и прекращение санкционных правоотношений. Изменение конкретных санкционных правоотношений и их прекращение происходит, как по воле государства (международного сообщества в целом, в лице, например, ООН), решившего изменить те или иные санкционные ограничения или вовсе отменить их, так и по объективным причинам, таким, как смерть физического лица или ликвидация юридического лица, попавших в санкционные списки, истечением, в том числе, ввиду физической гибели (автомобиль, морское или речное судно, воздушное судно, объект недвижимости, художественная ценность), обесцениванием (что может иметь место в отношении цифровых активов), обращения фактического взыскания на арестованное имущество и т.п., то

есть, причиной изменения конкретных санкционных правоотношений и (или) их прекращения могут быть как действия, так и события.

Логическая структура антисанкционного правоотношения. Отдельными вопросом представляется логическая структура правоотношения, возникшего в результате применения положений антисанкционного законодательства – норм национального права попавшего под санкции государства.

Представляется, что антисанкционное правоотношение имеет схожую понятийную структуру, однако в ней «государство-нарушитель» и «государство-судья» как бы «меняются ролями».

Предпосылка такого правоотношения уже может рассматриваться в качестве составного элемента сложного фактического состава, ведь введение санкций в отношении данного конкретного государства уже переходит из разряда оценочных категорий в объективный факт реальной действительности. Соответственно, мы имеем дело с фактическим составом, когда для возникновения соответствующих правоотношений необходимо наличие двух признаков в совокупности: 1) факта введения в отношении «государства-нарушителя», его физических и юридических лиц санкций международным сообществом или иностранным государством (группой государств или их союзом) и 2) принятие «государством-нарушителем» соответствующих антисанкционных норм.

Обязательным субъектом таких правоотношений будет «государство-нарушитель», вводящие антисанкционные нормы, тогда как круг иных субъектов будет различен, поскольку предусмотренные правовыми нормами антисанкционные меры могут быть направлены в отношении а) других государств, причем, как тех, что ввели санкции, равно и тех, кто решения о санкциях исполняет, б) физических и юридических лиц других государств, в) национальных физических и юридических лиц.

Объектом антисанкционных правоотношений будут выступать анти-санкции, то есть создание такой обстановки, при которой санкции были бы сведены на нет или существенно уменьшены. Такая обстановка и будет результатом применения антисанкционного законодательства. Юридические и фактические действия в данном случае направлены на преодоление или минимизацию санкционного воздействия.

Антисанкционное правоотношение ввиду множественной субъектности, различий в юридических и фактических действиях субъектов и участников также может быть сложным и комплексным и включать в себя разнообразные виды антисанкционных правоотношений. Оно уже относится к национальному праву и имеет более административно-правовой характер, включая применение категорий и подходов, недопустимых в рамках международно-правовых санкционных отношений, например, таких приемов, как административное усмотрение [19, с. 316] и т.п.

Полагаем, что антисанкционное правоотношение вовсе не обязательно прекращается с прекращением санкционного правоотношения; первое, например, может быть преобразовано.

Так, права и обязанности сторон антисанкционного правоотношения могут быть трансформированы, когда, например, поддержка отечественного производителя будет продолжена, но уже не в целях оказания ему помощи ввиду того, что он страдает от санкций других государств, а в интересах макроэкономического развития. В данном случае может наблюдаться и трансформация правоотношений в иные комплексные правоотношения, как в ситуации, когда государство осуществляет контрольно-надзорные функции за целевым расходованием бюджетных средств, выделенных на минимизацию негативного санкционного воздействия субъектам частного права [20, с. 65] или же когда происходит принудительное исполнение требований исполнительных документов, вытекающих из взыскания в силу нарушения антисанкционного режима (закупка и реализация продукции экспортера из государства, в отношении которого Россией объявлено торговое эмбарго и т.п.) [21, с. 46].

Выводы. Подводя итоги материалу исследования, следует отметить, что в юридической доктрине при исследовании логической структуры санкционного правоотношения вполне допустим подход, предполагающий некоторое координационное взаимодействие его субъектов и участников. Указанный методологический прием позволяет рассматривать санкционное правоотношение именно с позиций действий и операций его субъектов (участников).

В целом, в систему санкционного права следует включать, во-первых, нормы международного права, регламентирующие вопросы санкций и ограничений, национальное санкционное право (право государств, вводящих санкции) и национальное антисанкционное законодательство государств, в отношении которых (физических и юридических лиц которых) санкции были введены.

Таким образом, имеет место также и правоотношение, возникшее вследствие применения национального антисанкционного законодательства. Такое правоотношение уже не будет составным элементом сложного комплексного санкционного правоотношения, поскольку в данном случае имеют место иные юридические факты (фактический состав) и результаты, другие фактические и юридические связи между субъектами и участниками правоотношения и, как правило, также и отличный от прежнего субъектный состав. Отмеченное выше обстоятельство, тем не менее, свидетельствует лишь о наличии иного типа правоотношений в рамках санкционного права, но не исключает нормы национального антисанкционного законодательства из системы санкционного права.

Список источников

1. Максуров А.А. Координация в праве : монография / А.А. Максуров, И.И. Макаров. – Ярославль : ЯФ МФЮА, 2012. – 320 с.
2. Карташов В.Н. Механизм координационного регулирования / В.Н. Карташов // Вестн. науч. тр. Нижнекам. филиала Москов. гуманитарно-эконом. ин-та. Вып. 3. Ч. 8. Вопросы теории и истории гос. и права / отв. ред. П.А. Кабанов. – Нижнекамск, 2001. – С. 21–25.
3. Максуров А.А. Политическая функция медиативной юридической практики / А.А. Максуров, М.В. Таланова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 1. – С. 8–9.
4. Максуров А.А. Юридическое проектирование координационных процессов / А.А. Максуров, М.В. Таланова // Право и бизнес : сборник статей I ежегодной международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию со дня рождения профессора В.С. Мартемьянова / сост. И.В. Ершова, Р.Н. Аганина, Т.В. Таёкина. – Москва : Изд-во «Юрист», 2012. – С. 80–87.
5. Карташов В.Н. К вопросу о понятии координационной юридической тактики / В.Н. Карташов // Развитие молодежной юридической науки в современном мире : сборник науч. трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции, 15 мая 2011 г. / отв. ред. Р.В. Пузилов. – Тамбов : Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2011. – С. 50–55.
6. Бриль Г.Г. Малоисследованные общесоциальные функции координационной юридической практики / Г.Г. Бриль // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе : сборник науч. трудов V-й Межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. Г.Г. Бриль. – Кострома : КГТУ, 2007. – С. 121–125.
7. Карташов В.Н. Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности / В.Н. Карташов // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе : сборник науч. трудов V-й Межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. Г.Г. Бриль. – Кострома : КГТУ, 2007. – С. 89–94.
8. Баранов В.М. Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе / В.М. Баранов, В.Н. Карташов // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2006. – № 6. – С. 11–15.
9. Фролов С.Е. Принципы координационной деятельности / С.Е. Фролов // Актуальные проблемы юриспруденции : сборник науч. трудов. – Владимир. 2002. – С. 59–64.

-
10. Кивленок Т.В. Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности / Т.В. Кивленок // Актуальные проблемы юриспруденции. Сборник научных трудов. – Владимир : ВГПУ, 2002. – Вып. 3. – С. 54–58.
 11. Максуров А.А. Юридическая природа принципов международного права / А.А. Максуров // Современное право. – 2020. – № 1. – С. 5–10.
 12. Максуров А.А. Соотношение общепризнанных принципов международного права и общепризнанных норм международного права / А.А. Максуров // Вестник юридического факультета Южного Федерального Университета. – 2019. – Т. 6, № 3. – С. 49–51.
 13. Максуров А.А. Общепризнанные принципы и нормы международного права. Понятие и проблемы применения в Российской Федерации / А.А. Максуров. – Москва : ИНФРА-М, 2021. – 189 с.
 14. Таланова М.В. Эффективность норм частного права / М.В. Таланова // Частноправовые отношения в условиях глобализации. Saarbrüchen : Lambert academic publishing, 2012. Часть 1. Глава 7. – С. 109–116.
 15. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия : учебник / П.В. Алексеев, А.В. Панин. – Москва : Проспект, 2022. – С. 558.
 16. Чернецов В.Ю. Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики / В.Ю. Чернецов // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации : доклады и сообщения VII международной научной конференции, Москва, 17 апреля 2007 г. – Москва : РГГУ, 2007. – С. 89–94.
 17. Спиркин А.Г. Философия : учебник для бакалавров / А.Г. Спиркин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2015. – 828 с.
 18. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. – Москва : Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.
 19. Терехова А.В. Административное усмотрение в расследовании несчастных случаев на производстве и административном расследовании по делам о нарушениях государственных нормативных требований охраны труда / А.В. Терехова // Сибирское юридическое обозрение. – 2024. – Т. 21, № 3. – С. 311–323.
 20. Постнов А.С. Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики / А.С. Постнов // Российское право в период социальных реформ : материалы конференции студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых-юристов, Нижний Новгород, 26–27 ноября 2004 г. – Вып. 6. Ч. 1. – Нижний Новгород, 2005. – С. 64–67.
 21. Гражданское исполнительное право : учебник / А.А. Власов, А.А. Максуров ; под ред. А.А. Власова. – Москва : Экзамен, 2004. – 350 с.

References

1. Maksurov A.A., Makarov I.I. Coordination in Law: Monograph. Yaroslavl, Yaroslavl Branch of the Moscow Financial and Law Academy, 2012. 320 p. (In Russian).
2. Kartashov V.N. Mechanism of Coordination Regulation. Bulletin of scientific works of the Nizhnekamsk branch of the Moscow Humanitarian and Economic Institute. Issue 3. Part 8. Questions of the Theory and History of State and Law. Nizhnekamsk, 2001, pp. 21–25. (In Russian).
3. Maksurov A.A., Talanova M.V. Political Function of Mediation Legal Practice. *Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government*, 2012, no. 1, pp. 8–9. (In Russian).
4. Maksurov A.A., Talanova M.V. Legal Design of Coordination Processes. Law and Business. *Collection of Articles of the First Annual International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 80th Anniversary of Professor V.S. Martemyanov, Moscow, 2012*. Moscow, Jurist, 2012, pp. 80–87. (In Russian).
5. Kartashov V.N. On the Legal Tactics Coordination. *The Development of Youth Legal Science in Modern World. Collection of Scientific Papers on the Materials of the VIII International Scientific and Practical Internet Conference, Tambov, May 15, 2011*. Tambov, 2011, pp. 50–55. (In Russian).
6. Bril G.G. Little-Investigated General Social Functions of Coordination Legal Practice. *Actual Problems of the Theory and History of Law and State at the Present Stage. Collection of Scientific Papers. V-th Interuniversity Scientific and Practical Conference, Kostroma, 2007*. Kostroma, KSTU, 2007, pp. 121–125. (In Russian).
7. Kartashov V.N. The Legal Practice Coordination of State Bodies: A Look at the Problem of Efficiency. *Actual Problems of the Theory and History of Law and State at the Present Stage. Collection of Scientific Papers. V-th Interuniversity Scientific and Practical Conference, Kostroma, 2007*. Kostroma, KSTU, 2007, pp. 89–94. (In Russian).
8. Baranov V.M., Kartashov V.N. The main Shortcomings of the Coordination Practice for Ensuring the Economic Security of the Russian Federation at the Present Stage. *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: politicheskie orientiry, zakonodatel'nye priority, praktika obespecheniya: Vestnik Nizhegorodskoj Akademii MVD Rossii = Economic Security of Russia: Political Guidelines, Legislative Priorities, Practice of Provision. Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2006, no. 6, pp. 11–15. (In Russian).
9. Frolov S.E. Principles of Coordination Activity. *Actual Problems of Jurisprudence. Collection of scientific papers*. Vladimir, VSPU, 2002, pp. 59–64. (In Russian).
10. Kivlenok T.V. Legal Act as an External Form of Coordination Activity. *Actual Problems of Jurisprudence. Collection of scientific papers*. Vladimir, VSPU, 2002, pp. 54–58. (In Russian).
11. Maksurov A.A. Legal Nature of the Principles of International Law. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2020, no. 1, pp. 5–10. (In Russian).

12. Maksurov A.A. The Ratio of Generally Accepted Principles of International Law and Generally Accepted Norms of International Law. *Vestnik juridicheskogo fakul'teta Juzhnogo Federal'nogo Universiteta = Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*, Rostov-on-Don, 2019, vol. 6, no. 3, pp. 49–51. (In Russian).
13. Maksurov A.A. Generally Recognized Principles and Norms of International Law. Concept and Problems of Application in the Russian Federation. Moscow, INFRA-M, 2021. 189 p. (In Russian).
14. Talanova M.V. The Effectiveness of Private Law Norms. Private Law Relations in the Context of Globalization. Saarbrücken, Lambert Academic Publ., 2012, part 1, chapter 7, pp.109–116. (In Russian).
15. Alekseev P.V., Panin A.V. Philosophy. Moscow, Prospekt, 2022. 558 p. (In Russian).
16. Chernetsov V.Yu. Psychological Approach to the Study the Coordination Legal Practice Problems. *Legislation and Law Enforcement in the Russian Federation. Reports of the VII International Scientific Conference, Moscow, April 17, 2007*. Moscow, RSHU, 2007, pp. 89–94. (In Russian).
17. Spirkin A.G. Philosophy. Textbook. Moscow, YUrajt, 2015. 828 p. (In Russian).
18. Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow, Sov. Encyclopedia, 1983. 839 p. (In Russian).
19. Terekhova A.V. Administrative Discretion in the Investigation of Industrial Accidents and Administrative Investigation of Cases of Violations of State Regulatory Requirements for Occupational Health and Safety. *Sibirskoe juridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2024, vol. 21, no. 3, pp. 311–323. (In Russian).
20. Postnov A.S. Control and Supervision as Factors in Increasing the Efficiency of Coordination Practice. *Russian Law in the Period of Social Reforms. Materials of the Conference of Students, Postgraduates, Applicants and Young Legal Scholars, Nizhny Novgorod, November 26-27, 2004*. Nizhny Novgorod, vol. 6, part 1, 2005. pp. 64–67. (In Russian).
21. Vlasov A.A. (ed.). Civil Executive Law. Moscow, Exam, 2004. 350 p. (In Russian).

Информация об авторе

Максуров Алексей Анатольевич –
кандидат юридических наук,
преподаватель

Information about the Author

Maksurov Alexey Anatolievich – Candi-
date of Sciences (Law), Lecturer

Статья поступила в редакцию 09.06.2025; одобрена после рецензирования 16.06.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 09.06.2025; approved after reviewing 16.06.2025; accepted for publication 20.06.2025.